

Кэти М. СТАУТ

Кэти М. СТАУТ

**ПРИВЕТ,
Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С81

Katie M. Stout
HELLO, I LOVE YOU

*Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press
и литературного агентства Nova Littera SIA.*

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Перевод с английского *Марины Павлычевой*

Стаут, Кэти М.

С81 Привет, я люблю тебя : [роман] / Кэти М. Стаут ;
[пер. с англ. М. Павлычевой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 352 с. — (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-092899-6

Грейс Уайлде — дочь известного продюсера, а ее брат — знаменитый на весь мир музыкант. Богатая музыкальная семья распадается на части, когда брат Грейс попадает в беду. Чувствуя свою вину, девушка сбегает от своего прошлого в школу-пансион в... Южную Корею. Оказавшись так далеко от дома, Грейс с облегчением вздыхает — она мечтает только о том, чтобы порвать все связи с музыкальной индустрией, и готова начать жизнь с чистого листа.

И тут в ее жизни появляется Джейсон — брат ее соседки по комнате и... корейская суперзвезда!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© 2015 by Katie M. Stout

© М. Павлычева, перевод на русский язык, 2016

ISBN 978-5-17-092899-6

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава первая

«Братишка,

Я хочу, чтоб ты знал: ты не виноват в том, что произошло. И что мне очень жаль. Жаль, что я бросила семью и сбежала на край света.

Но больше всего мне жаль, что меня не было рядом, когда это случилось с тобой, в тот момент. Я должна была предупредить кого-нибудь, пока все не зашло так далеко. Просто дело в том, что ты мой старший брат, и ты всегда был сильнее. И сейчас мне этого недостает.

Ты, наверное, будешь дико смеяться, представляя, как я, одинокая белая девочка с жесткими от лака волосами, без знания иностранного языка, но с южным акцентом, пробираюсь к выходу из аэропорта. Знай: чем дальше я от дома, тем больше скучаю по тебе.

Может, в этой поездке у меня будет достаточно времени, чтобы все осмыслить. Я надеюсь, что все пойму, как бы то ни было.

Я могла бы закончить это письмо «из Кореи с любовью», как в том фильме про Джеймса Бонда в России, но самолет еще не приземлился, поэтому я прощаюсь так:

*Почти из Кореи с любовью,
Грейс».*

* * *

Двери метропоезда открываются, и поток пассажиров вносит меня и два моих гигантских чемодана в вагон. В бока мне впиваются чужие локти, по ногам проезжают колесики чьих-то сумок — это тысяча моих новых корейских друзей набивается в крохотный вагон электрички, где пахнет чесноком и потом. Я только полчаса в Республике Корея, но уже полностью погружена в жизнь этой страны.

Все места заняты, и я пристраиваюсь перед пожилой женщиной, глаза которой почти скрыты под морщинистыми веками. Она держит пластиковый пакет с чем-то серым и... шевелящимся. Может, с осьминогом? Содрогаюсь, я сажусь верхом на чемодан, позволяя телу немного отдохнуть под мерное покачивание вагона. Как будто и не просидела четырнадцать часов в самолете.

Мужчина рядом со мной так громко слушает музыку на MP3-плеере, что до меня доносятся завывания певца. Он смотрит на меня, как на инопланетянку. Я отвожу глаза и разглядываю остальную часть вагона. Кроме меня в вагоне только один европеец, все остальные — азиаты и почти все уткнулись в свои телефоны. За исключением той парочки в нескольких футах от меня, которая ухитряется обниматься и целоваться на микроскопическом пятачке пространства, и шептать нежности по-корейски.

Южная Корея. Еще никто не знает о том, что я бросила все и *всех* в Нэшвилле¹ и разбила лагерь на Дальнем Востоке. Я сижу в корейской электричке, которая под стук колес летит по корейским тоннелям и несет меня к моей новой корейской школе.

¹ Нэшвилл — город на юге США, столица штата Теннесси. (Прим. ред.)

Я сумасшедшая.

Наверное, в миллионный раз с того момента, как самолет поднялся в воздух в Атланте, я спрашиваю себя, что я творю. Ладони сразу потеют, я прикрываю глаза, дыхание учащается настолько, что мне грозит гипервентиляция¹.

Водород. Гелий. Литий. Бериллий. Бор. Углерод.

Я трижды повторяю периодическую таблицу химических элементов — это успокаивает сознание, замедляет пульс и избавляет меня от тревоги. Такому трюку меня научил наш учитель химии, который говорил, что это помогает ему успокоиться. Этим летом я обнаружила, что этот метод подходит мне. Поезд останавливается на следующей станции, и несколько пассажиров выходят. Правда, входит еще больше. Толпа колышется, напирает, прижимает меня к стене тел, и я проклиная себя за то, что не стала ждать экспресса, где все места расписаны. Стоило бы подождать двадцать минут ради того, чтобы к концу пути не превратиться в лепешку в этой давке.

Я достаю из кармана джинсовых шортов обрывок блокнотного листка и раз десять перечитываю название моей станции.

Механический женский голос объявляет название остановки, и оно, хвала небесам, звучит очень похоже на то, что написано на бумажке: «Гимпо». Поезд замедляет ход, я хватаю ручки своих чемоданов и продираюсь через гущу человеческих тел, плотную, как застывшая овсянка.

Я вываливаюсь на платформу как раз в тот момент, когда двери начинают закрываться, и мне приходится призвать на помощь всю свою американскую растороп-

¹ Гипервентиляция — интенсивное дыхание, которое превышает потребности организма в кислороде. (*Прим. ред.*)

ность, чтобы разметать корейцев и продраться сквозь толпу, которая рвется в вагон. Поднявшись на эскалаторе, я протискиваюсь через турникет и вынырываю из метро во влажный и очень плотный воздух корейского лета.

Я крепче сжимаю пальцы на ручках своего багажа и проталкиваюсь к веренице такси, ввинчиваясь в толпу туристов, мающихся с собственной поклажей.

Оказалось, что от международного аэропорта Инчхон до Корейской школы для иностранных студентов нельзя доехать на метро. Представитель школы, с которым я на прошлой неделе общалась в видеочате, советовал мне после подземки пересесть на рейсовый автобус, но когда я уже собралась в дорогу, поняла, что с громоздким багажом и полным незнанием окрестностей такой маршрут будет самой настоящей авантюрой.

И вот я стою у бордюра и сканирую вереницу автомобилей, пока не замечаю одного из таксистов, что стоит, подняв вверх табличку с надписью «Грейс Уайлде». Я машу ему как ненормальная, и он подхватывает мои сумки на полпути к минивэну. Он помогает загрузить мою ношу в багажник, и я, наконец, устраиваюсь на сиденье.

Мне приходится то и дело отклеивать голые ноги от сиденья из кожзаменителя, и я подумываю, не следует ли мне снять обувь. Здесь ведь так принято, верно? Но водитель остается в своих туфлях, так что я тоже не разуваюсь.

Он пристально смотрит на меня в зеркало заднего вида, очевидно, ожидая, что я назову ему пункт моего назначения. Должно быть, ему не сказали ничего о том, куда меня следует отвезти. Кусая губы, я листаю корейский разговорник в поисках правильных слов.

— Ахн ньеонг ха се йо! — Привет. — Гмм... — Я тащусь на фразу, написанную латиницей, и множество согласных и слогов, каких я в жизни не видела — не то чтобы произносила — перемешиваются в моем утом-

ленном дорогой мозгу со скоростью включенного на полную мощность блендера.

— Куда ехать? — спрашивает мужчина.

— В школу! — выдыхаю я, благодаря бога за то, что водитель хоть немного говорит по-английски. — В Корейскую школу для иностранных студентов. На острове Канхвадо.

— А, знаю-знаю. — Он выруливает с парковки, и мы вливаемся в поток машин.

Я усаживаюсь поглубже и опускаю затылок на подголовник. Я почти сутки в пути, и теперь это начинает сказываться. Я совсем забыла, что за время полета так и не поспала ни минутки — так дико бурлил во мне адреналин — сначала когда мы приземлялись в Сиэтле и потом здесь, в Инчхоне.

Сейчас в моей голове, где-то в районе надбровных дуг, появляется тупая боль, и сон, ласково нашептывая, тащит меня прочь от осознания действительности.

Машины впереди нас сверкают в лучах солнца. Мы все дальше удаляемся от центра города, от Инчхона и от столицы Южной Кореи Сеула, что расположен всего в часе езды на метро. Рестораны быстрого питания и цифровые рекламные щиты быстро сменяются длинным мостом, который переносит нас на другую сторону узкого пролива, отделяющего остров от материка.

Машина въезжает на остров, и я вижу, как вокруг нас вырастают здания. Не небоскребы, как в деловой части города, но вполне приличные дома. Он напоминает мне тот небольшой прибрежный городок, куда я ездила с семьей, когда училась в средней школе; один из тех, где в крохотных ресторанчиках, что стоят на каждом углу, готовят рыбу, пойманную местными рыбаками, где в летний сезон население удваивается, а магазины закрываются в шесть вечера. Но вместо разнообразия рас —

белых, черных, латиносов, индусов — я вижу только азиатов. Темноволосых. Темноглазых.

Я принимаюсь накручивать на палец светлый локон — за долгое путешествие от укладки почти ничего не осталось, но мои длинные, ниже плеч, волосы все равно смотрятся неплохо. Мама называет их «венцом великолепия», они достались мне от ее предков. Я всегда гордилась своими волосами и считала, что они идеально сочетаются с тем, что моя сестра Джейн называет «твой хипстерский лук», но сейчас я понимаю, что здесь из-за них я выделяюсь, как гот — на концерте музыки кантри.

И поверьте мне, это так. Я знаю, о чем говорю. Я посетила множество концертов. Когда твой отец — один из крупнейших продюсеров звукозаписи, а брат пять лет подряд держится в верхних строчках музыкальных чартов страны, ты потихоньку начинаешь разбираться в том, как обстоят дела в этой Мекке любителей музыки.

Мне ужасно хочется сунуть руку в сумку и достать айпод. Я могу назвать как минимум пять песен, которые идеально подойдут под настоящий момент и смогут стать саундтреком моей новой жизни. Но я противостояю искушению — не хочу расплыть внимание, чтобы быть готовой, если нам с водителем придется снова вести диалог на ломаном английском.

За несколько минут мы проезжаем городок, и такси начинает взбираться вверх, в горы, что поднимаются над береговой линией. Все выше и выше, пока над шоссе не начинает змеиться легкий туман и мы не оказываемся на вершине. Справа виден город, через который мы только что проехали, и пролив. Дальше должен быть Инчхон, хотя я его и не вижу.

Слева высится гигантская арка, за которой простерлась огромная площадь. На арке в лучах заходящего солнца сверкают золотые корейские буквы.

Мой новый дом.

Мы останавливаемся, и я выхожу из машины. Но едва я вдыхаю воздух кампуса, мой желудок скручивает спазм. Водитель достает из багажника мои вещи, а я роюсь в кошельке и внимательно изучаю каждую купюру, прежде чем расплатиться с ним.

Такси уезжает, и я отворачиваюсь от величественного вида на побережье и разглядываю белое каменное здание на противоположном краю площади. Широкая лестница ведет, как я догадываюсь, к классным комнатам и кабинетам.

Я поневоле задаюсь вопросом, как изменилась бы моя жизнь, если бы я поступила так, как хотели родители: осталась бы в выпускном классе в элитной школе и готовилась бы к поступлению. У меня были бы те же друзья, я ходила бы на те же вечеринки, меня донимали бы те же ищущие славы музыканты в надежде с моей помощью добраться до отца, я бы смотрела, как мой бывший парень, этот полнейший кретин, встречается с другими девчонками из моей школы.

Но вместо Нэшвилла и консервативной элитной школы я здесь. Абсолютно одна в незнакомой стране, ищу этаж администрации и представителя школы, который уверял, что поможет мне освоиться.

Магний. Алюминий. Кремний.

Перебраться сюда — это была моя идея.

Фосфор. Сера.

У меня все получится.

Хлор.

У меня все получится.

Аргон.

У меня.

Получится.

Глава вторая

— Это твоя комната. — Представитель школы, мистер Ванг, останавливается перед дверью в коридоре третьего этажа общежития для девочек. Он стучит в дверь, а потом отпирает замок.

Мы входим в узкую комнатку с белыми стенами. Почти все пространство в ней занимает двухъярусная кровать. У противоположной стены стоят два письменных стола, а между ними — ровно столько места, чтобы можно было свободно подойти к кровати. Еще одна дверь открывается в ванную, в которой я замечаю обычный унитаз. Слава богу! Я слышала жуткие истории об азиатских «дырках в полу».

За одним из столов сидит девочка, но, увидев нас, она тут же вскакивает, ее черные, до плеч, волосы взлетают, а лицо озаряет широченная улыбка. Я поневоле замечаю вызывающе-яркую неоновую надпись «Ready to Where» на ее футболке и задаюсь вопросом, есть ли у этой девочки хоть какое-то представление об английском языке¹. Этот год будет бесконечно трудным, если мы с ней не сможем общаться.

— Ну, теперь все в порядке? — спрашивает мистер Ванг на английском с ужасным акцентом, кивает на

¹ Имеется в виду неправильное написание слова «wear» во фразе «ready-to-wear» — готовая одежда. (*Прим. перев.*)

мою новую соседку и кладет ключ от комнаты мне в ладонь.

— Да, спасибо. — Я склоняю голову — я читала, что в Корее такой обычай, — и смотрю ему вслед. Частота моего пульса взлетает до небес, когда за ним закрывается дверь.

Моя соседка издает тихий вопль и бросается мне на шею. Я пячусь, мой чемодан опрокидывается на пол. Девочка тискает меня, пока я с натужным смехом не отталкиваю ее.

— Я так рада, что ты приехала! — Она радостно хлопает в ладоши. — Ты американка?

Ее глаза наполовину скрыты широкой белой оправой очков, которые больше подошли бы какой-нибудь старушке, однако я все равно успеваю увидеть, как загораются ее глаза при упоминании этого волшебного слова, того самого, которое, как я успела обнаружить, здесь превращает человека в знаменитость. Однако эта девочка отличается от тех людей, которых я встречала в административном здании: у нее безупречное произношение. Бледное узкое лицо, раскосые глаза со слегка приподнятыми к вискам внешними уголками, губы покрашены розовой помадой, о которой в восьмидесятые мечтала любая девчонка. Несмотря на нелепую футболку, она очень миленькая, я бы даже сказала, красивая, а озорство придает ее красоте особую пикантность.

— Меня зовут Софи. — Она протягивает руку и не опускает, пока я не пожимаю ее. — Ну, вообще-то Сэ И, но по-английски Софи.

— А я Грейс.

— Я очень рада познакомиться. — Она так и лучится. — Мне не говорили, что ты американка. А тебе обо мне что-нибудь рассказывали?

Я наклоняюсь, чтобы поднять чемодан, но она опережает меня, хватая один и взгромождает его на нижнюю кровать с голым матрасом. Я ставлю рядом второй.

— Гм... нет, — говорю я, оглядывая комнату в поисках комода или чего-нибудь типа того, и замечаю два миниатюрных платяных шкафа, поставленных друг на друга. Вот что значит — рациональное использование пространства.

— Итак, меня зовут Софи, и я в выпускном классе. Я отсюда. — Она поднимает палец, словно для того, чтобы остановить ход моих мыслей. — Отсюда — это из Кореи, а не с Канхвадо. Живу в Сеуле, и там значительно лучше, чем в этом древнем городишке. — Она морщит нос, однако спустя мгновение ее лицо проясняется. — Но выросла я в Штатах. Поэтому у меня такой хороший английский. И... и я очень рада познакомиться с тобой! — Она краснеет. — Только я это уже говорила.

Я непроизвольно фыркаю. Эта девчонка ненормальная, но такая милая.

— Это так здорово— снова говорить с кем-нибудь по-английски, — продолжает она. — Ты не поверишь, как это утомительно: все время говорить по-корейски, когда ты все детство говорила на английском.

Я расстегиваю молнию на чемоданах и принимаюсь доставать свою одежду, обувь, туалетные принадлежности. В этих чемоданах вся моя жизнь. Мне даже немного обидно, что я умещаюсь в два таких небольших места. Понятное дело, что для того, что я привезла из Нэшвилла в душе, мне чемодана не понадобилось.

— Значит, ты американка? — спрашиваю я, хотя Софи, по-видимому, не нужно просить дважды, чтобы она продолжила свой монолог.

— Ну, официально я гражданка Кореи, так как родилась я здесь. Но с младенчества и до четырнадцати

лет мы с братом жили у отца в Нью-Йорке. Потом мы Джейсоном — так зовут моего брата-близнеца — вернулись в Сеул к маме.

— А теперь ты живешь здесь, на острове?

Софи недовольно морщится. Это первая отрицательная эмоция, что я вижу на ее лице.

— К сожалению.

Я смеюсь.

— А зачем ты вернулась, если ты не хотела?

Она вздыхает и плюхается на стул у письменного стола.

— Это долгая история. В общем, мой брат убежал из дома, а меня взял с собой, хотя я была лучшей ученицей в классе в прошлом году и уж точно стала бы в этом. Мне пришлось оставить своих друзей и все остальное.

Я с ворчанием поднимаю кипу одежды и собираюсь сунуть ее в один из гардеробов, но обнаруживаю, что дверцы шкафчика заперты, а у меня заняты руки.

— Давай я тебе помогу! — Софи открывает дверцы. — Твой нижний. Как с кроватями. Я решила, пусть лучше все совпадает. Так легче запомнить.

Я чувствую оживление, которое буквально брызжет из нее, и на меня накатывает новая волна изнеможения. Черт, надо поспать.

Софи хмурится.

— Ой, у тебя усталый вид. Долгая была дорога?

— Почти сутки, включая задержки.

Она округляет глаза.

— Тогда тебе нужно лечь в кровать! Я буду сидеть тихо-тихо, чтобы ты поспала. — Она жестом застегивает рот на «молнию», и я снова смеюсь. Эта девчонка мне определенно нравится.

Я умудряюсь достать все необходимое, чтобы быстро принять душ и почистить зубы — при этом стараясь не глотать воду из-под крана, — и забираюсь в кровать,